

ВТОРАЯ
ПАМЯТЬ
МАРСА

и
Мария Златова

Мария Златова

Вторая память Марса

<https://litres.ru/74637599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли доверять собственной памяти, если Марс помнит за тебя?

Мара Вей покидает Землю, надеясь оставить прошлое позади. Но под красной равниной найден сигнал, и вскоре воспоминания экипажа начинают меняться: в них возникают чужие лица и пробелы. Кто отвечает колонистам — Марс или их желание быть услышанными?

Чтобы выжить, Маре придётся отделить факты от страха, признать ошибки и решить, что делать с памятью, которую нельзя вернуть прежней. Чужой опыт может указать выход, но не вправе выбирать за тебя.

«Вторая память Марса» — космическая фантастика о тайне под базальтом, цене необратимого выбора и мужестве оставаться собой. Для тех, кто любит напряжённые экспедиции и психологически точные истории: прошлое можно принять, не позволяя ему стать приговором.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Билет в один конец	5
Первые сутки на Марсе	17
Сигнал под красной равниной	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Златова

Вторая память Марса

Вторая память Марса

Мария Златова

Билет в один конец

Когда шлюз захлопнулся, Мара Вей всё ещё держала руку на поручне посадочного коридора.

Дальше, за круглым люком, начинался корабль. До него было двенадцать шагов по узкому переходу, две проверки давления и одна дверь, которую можно открыть только после того, как наружный шлюз сочтёт человека частью своего внутреннего мира. За спиной оставалась Земля — пока ещё рядом, за стенами космопорта, за облаками, под которыми жили люди, способные приехать за тобой на такси.

— Если передумали, сейчас самое удобное время, — сказала женщина в сером комбинезоне у панели шлюза.

Она не улыбалась. Это было профессиональное участие: не подталкивать, не уговаривать, оставить человеку право на последнюю секунду.

Мара посмотрела на часы. Посадочное окно закрывалось через девять минут. Через девять минут решение перестанет быть решением и станет последовательностью процедур.

— Я не передумала, — сказала она.

Женщина кивнула и приложила ладонь к считывателю.

Первый шлюз открылся.

Внутри пахло металлом, чистящим раствором и тёплым пластиком. Вдоль стен шли поручни, на полу светились стрелки. На них было написано: «Шагайте медленно. Дер-

жите личные вещи при себе. При разгерметизации следуйте указаниям экипажа». Последняя фраза казалась почти смешной: при разгерметизации у человека обычно не оставалось времени на самостоятельный выбор. Но инструкции писали не для красоты. Их писали для тех, кому однажды пришлось выбирать.

Мара вела за собой небольшой багажный контейнер на мягких колёсах. В нём помещались две смены одежды, планшет с рабочими материалами, личная аптечка и тканевый мешок, который она собиралась выбросить ещё на Земле, но так и не выбросила. В пересчёте на объём это было немного. В пересчёте на жизнь — почти всё, что она позволила себе назвать своим.

У внутреннего шлюза уже ждали двое членов экипажа. Командир Лена Орлова проверяла пломбу на контейнере с инструментами. Рядом техник Нади Рахманова пыталась одной рукой удержать планшет, а другой — затянуть ремешок на мешке с гидропонными кассетами.

— Вей? — спросила Лена, сверяясь с экраном. — Добро пожаловать на борт.

— Пока ещё в шлюз, — заметила Мара.

— На нашей миссии разница между «почти» и «уже» обычно измеряется одним замком.

Нади коротко рассмеялась, не отрываясь от ремешка. Потом подхватила её контейнер за боковую ручку.

— Давайте помогу.

— Он лёгкий.

— Здесь всё лёгкое, пока не начинает летать. Потом любовью контейнер становится аргументом в споре с вашей головой.

Она пристегнула багаж к сетчатому креплению и подтянула ремень. Техник двигалась быстро, точно и без лишних слов. На запястье у неё поблёскивала тонкая полоска медицинского пластыря. Мара успела заметить, как Нади прикрыла её рукавом, когда почувствовала взгляд.

У каждого на корабле было что-то, что хотелось оставить за пределами общего разговора.

Мара знала это лучше многих. Она работала с памятью: помогала людям после травм восстанавливать связи между событиями, ощущениями и словами. На Земле её приглашали туда, где человек помнил, что случилось, но не мог добраться до самого себя внутри этого знания. Она умела задавать вопросы без нажима, отличать пробел от отказа говорить и не путать точность воспоминания с его правдоподобием.

Собственные воспоминания она предпочитала держать в папках с надёжными названиями.

— Перед входом в жилой отсек нужно пройти проверку личного багажа, — сообщила сотрудница шлюза. — Контейнер поставьте на считыватель. Все носители данных и автономные батареи — отдельно.

Мара поставила контейнер на низкую платформу. Сканер

прошёлся по крышке, издал два коротких сигнала и остановился.

— Необычная плотность в боковом кармане, — сказала сотрудница. — Откройте, пожалуйста.

Мара растегнула молнию. В кармане лежали сложенный шарф, набор заглушек для ушей и маленький серый диктофон. Старый, с потёртым углом и кнопкой записи, которую нужно было нажимать с усилием. Вещь из тех лет, когда люди ещё записывали голос на отдельные устройства, а не хранили его в облаке вместе с покупками и геолокацией.

Мара не сразу поняла, почему у неё перехватило дыхание. Потом поняла.

Она не видела диктофон несколько месяцев. Переложила его в тот карман после переезда, а потом забыла. Вернее, не проверяла, есть ли он там.

На узком экране светилась надпись: «ИЛЬЯ. 2:17».

— Это личный носитель? — уточнила сотрудница.

— Да.

— Файл нужно зарегистрировать. На борту нет подключения к земным облачным хранилищам, а личные записи не копируются в корабельную систему без согласия владельца.

— Понимаю.

Мара взяла диктофон. Кнопки были холодными. Она помнила, как купила его Илье, когда тот собирался в экспедицию на северное побережье. Помнила его шутку: «Теперь ты будешь знать, что я говорил, даже если меня никто не слу-

шал». Потом были другие записи. Заметки о работе, обрывки мелодий, короткие сообщения ей — на случай, если связь пропадёт.

Последняя запись начиналась за неделю до аварии.

В тот день они поссорились. Илья хотел, чтобы она приехала к нему. Мара сказала, что у неё нет сил снова разбирать его жизнь по фрагментам. Он ответил, что не просил разбирать. Просил просто приехать. Она произнесла фразу, которую с тех пор могла воспроизвести с безупречной точностью:

«Илья, я не обязана каждый раз спасать тебя от самого себя».

Он помолчал. Потом сказал:

«Я и не просил спасать».

Мара закрыла дверь. Через шесть дней его не стало.

Запись она включала дважды. Оба раза останавливала, не доходя до конца. Не потому, что боялась услышать что-то ужасное. Страшнее было, что там окажется обыкновенный голос: брат, который собирался сказать что-то обычное и не подозревал, что его слова станут последними.

— Можно оставить устройство в багаже, — сказала сотрудница. — Но батарея должна быть изолирована.

— Я разберусь.

Пальцы Мары уже знали, как открыть крышку. Голова в это время предлагала разумные доводы: проверить устройство после регистрации; сохранить запись на защищённом носителе; не подвергать себя эмоциональной нагрузке перед

стартом. Все доводы были правильными. Она умела делать правильные доводы из любого страха.

— Мара? — позвала Лена.

Командир стояла у входа в жилой модуль. За её плечом тесный коридор уходил в глубину корабля. На стене мигнул зелёный индикатор: экипаж мог продолжать посадку.

Мара нажала воспроизведение.

Сначала раздался шорох, потом голос Ильи. Чуть хриплый, с привычным смешком на выдохе.

— Мар, если ты это слушаешь, значит, я опять не сумел сказать всё сразу. Не переживай, это не признание и не просьба перевести мне денег. Я просто хотел сказать, что понял, о чём ты говорила. Ты не должна быть дежурной по моей жизни. Я правда это понял. Мне жаль, что я сделал вид, будто ты обязана. И ещё: у меня на подоконнике твоя старая кружка. Та, синяя, со сколом. Не выбрасывай её, когда заберёшь. Она почему-то лучше держит тепло. Ладно. Вот теперь точно всё. Позвони, когда захочешь. Не когда будешь готова, а когда захочешь.

Запись закончилась коротким щелчком.

Мара не выключила экран сразу. На серой поверхности отражалось её лицо: собранное, спокойное, почти такое же, каким его привыкли видеть пациенты перед началом сложного разговора. Но внутри что-то перестало удерживать прежнюю форму. Не рассыпалось. Просто сдвинулось на несколько миллиметров, открыв пространство для

воздуха.

Илья не просил её продолжать винить себя. Он не говорил, что всё хорошо. Он говорил о синей кружке. О звонке, который можно сделать не из готовности, а из желания.

В этом не было ответа на вопрос, почему он умер. И не было способа вернуть последний разговор и выбрать другие слова. Но впервые за долгое время Мара услышала в памяти не только собственную фразу.

— Зарегистрируйте устройство, — сказала она сотруднице шлюза. — Батарею изолирую сама.

Пока проверяли диктофон, Мара отошла к стене. На прозрачной панели рядом висела табличка с графиком давления. Стрелка медленно поднималась от атмосферного уровня к параметрам корабельного отсека. Удивительно, как легко было следить за чужой кривой — и как трудно признавать движение внутри себя.

Она привыкла думать, что контроль над воспоминаниями равен контролю над собой. Если собрать факты, подписать причины, отделить вину от случайности, а горе от гнева, значит, боль перестанет управлять. Профессионально это звучало почти безупречно. Лично — означало, что она годами пыталась организовать прошлое так, чтобы оно не могло неожиданно заговорить.

Но память не подчинялась порядку, который ей навязывали. Она сохраняла голос, тепло ладони, синюю кружку со сколом. Она сохраняла и ссору. А Мара всё это время дела-

ла вид, что единственный способ не быть захваченной прошлым — запереть его.

— Мы уже на борту, — сказала Лена. — Осталось пройти к жилому отсеку. До старта меньше часа.

Мара положила диктофон в карман комбинезона.

В каюте было так тесно, что, открывая откидную койку, приходилось заранее решить, куда поставить ноги. У каждого члена экипажа — шкафчик размером с дорожную сумку, личная панель связи и два мягких контейнера, пристёгнутых к стене. Корабль не обещал комфорта. Он обещал кислород, воду, тепло и достаточно места, чтобы люди могли спорить, не мешая друг другу дышать.

На общей панели горел список предстартовых проверок. Мара закрепила контейнер и достала планшет. Вместо того чтобы открыть рабочую программу, создала пустой файл и написала:

«Что я беру с Земли».

Она остановилась. Потом добавила три строки.

«Как вещь: диктофон Ильи. Запись целиком».

«Как навык: умение слушать человека, не забирая у него право на собственную историю».

«Не превращать в пожизненное наказание: тот последний разговор. Я не могу изменить сказанное. Я могу перестать считать эту фразу единственным, что осталось между нами».

Мара перечитала написанное. Третья строка показалась слишком торжественной. Она убрала слова «пожизненное

наказание» и поставила их обратно. Потом добавила: «Я боюсь, что на Марсе мне некому будет сказать, что я снова прячусь за работой».

— Это список для миссии? — спросил голос у входа.

Лена держала в руке планшет с экипажным протоколом. За ней стояла Нади, уже без мешка с кассетами.

— Скорее для меня, — сказала Мара. — Но в протоколе тоже кое-что нужно записать.

Лена не стала заглядывать в экран.

— Что именно?

Мара вдохнула. В каюте воздух был прохладный и сухой. За вентиляционной решёткой едва слышно гудел фильтр.

— Я не хочу скрывать психологические риски миссии. У меня есть незавершённое горе. Я умею работать с чужими воспоминаниями и слишком долго избегала своих. Старт, изоляция и первые месяцы на Марсе могут это усилить. Я не прошу считать меня неспособной к работе. Я прошу не делать вид, будто у нас нет такой проблемы.

Лена прислонилась плечом к дверному косяку.

— Хорошо. Что поможет?

— Регулярная проверка состояния, не только по графику медосмотров. И договорённость: если кто-то замечает, что я перестала спать, путаю решения или начинаю замыкаться, он говорит мне прямо. Не ждёт, пока я сама оформлю это в отчёт.

— А если ты скажешь, что всё нормально?

— Тогда вы спросите, что именно значит «нормально».
Нади кивнула.

— Это справедливо.

— Но не только для меня, — добавила Мара. — Я хочу, чтобы правило действовало для всех. На Земле мы привыкли считать честность риском для репутации. Здесь она может оказаться вопросом безопасности.

Лена взглянула на список проверок, потом на Мару.

— Запишем. И каждый скажет, о чём хочет, чтобы команда спрашивала. Без медицинских подробностей, если человек не готов. Но без игры в непобедимость.

Это была не клятва и не обьятие. Просто условия работы людей, которым предстояло долго делить один воздух. Мара почувствовала, как её плечи чуть опустились. Иногда облегчение приходило не от того, что проблема исчезала, а от того, что её переставали прятать.

Через двадцать минут все заняли места. Лена проверила ремни. Нади закрепила планшет и проговорила вслух параметры батарейного блока. Бортовой врач Арсен Мэй поставил пальцы на крепления медицинского контейнера, проверил каждый замок и только после этого сел. Никто не произносил слова «последний шанс». Никто не спрашивал, уверены ли они.

На экране перед Марой сменялись пункты запуска: давление в кабине стабильно, связь с центром управления установлена, наземные команды подтверждены. Под креслом ти-

хо вибрировали насосы. Вибрация проходила через подошвы и поднималась к коленям, словно корабль проверял, действительно ли они решили лететь.

— Состояние экипажа? — спросила Лена.

— Готов, — сказал Арсен.

— Готова, — сказала Нади.

Лена посмотрела на Мару.

Та могла сказать то же самое. Это была бы не ложь, но и не вся правда.

— Я боюсь, — сказала она. — И готова лететь.

— Принято, — ответила Лена.

На дисплее начался обратный отсчёт. Цифры уменьшались без драматизма, с холодной точностью часов, которым неизвестно, что именно они отсчитывают. Пять минут. Четыре. Три.

Мара закрепила ладонь на подлокотнике. Диктофон лежал в кармане, его твёрдый край упирался в рёбра. Земля исчезла из поля зрения задолго до того, как корабль отделился от стартовой площадки. Осталось только изображение внешней камеры: белый корпус, мокрые от утренней росы опоры, серое небо над космодромом.

На нуле двигатели вспыхнули.

Сначала звук пришёл не в уши, а в кости. Корабль содрогнулся, опоры удержали его на долю секунды, потом отпустили. Мара почувствовала, как тяжесть вдавливает её в кресло. На экране земля медленно пошла вниз, затем быстрее. Свет-

лая полоса облаков разорвалась, открывая тёмную синеву.

Нади выдохнула сквозь зубы. Арсен крепче сжал поручень. Лена смотрела на показатели, не мигая.

Мара смотрела на Землю. Не на всю сразу — только на кусок мира, который камера успела удержать между рамой корпуса и краем экрана. Там оставались дома, больницы, пустые вокзалы, старая синяя кружка, которую Илья так и не вернул, и люди, которым она не сказала, что боится. Там же была женщина, способная слышать чужое прошлое и привыкшая считать, что своё можно однажды разобрать до конца.

Теперь эта женщина летела прочь от единственного места, где когда-либо жила.

Диктофон тихо стукнул о внутреннюю стенку кармана. Мара накрыла его ладонью. Запись осталась с ней — не как разрешение забыть, не как наказание помнить, а как голос, который больше не требовал от неё невозможного.

За иллюминатором чернота космоса стала глубже, а Земля — меньше. Корабль набирал скорость. Возвращение не входило в план миссии.

Мара разжала пальцы и посмотрела на список в планшете. Три короткие строки. Вещь. Навык. То, что она не собиралась превращать в приговор.

Впереди была долгая дорога, а потом — первые сутки на Марсе.

Первые сутки на Марсе

Корабль вошёл в атмосферу Марса так тихо, что Мара сначала решила: ей показалось.

Потом кресло вдавило её в спину, ремни натянулись, а по корпусу прошёл низкий гул. На экране за плечом командира Левина цифры сменялись быстрее, чем она успевала прочесть. Красная планета, ещё недавно плоская и далёкая, вырослась до целого мира. Под ними тянулась равнина цвета старой меди, исчерченная тенями от каменных гряд.

— Контакт через двадцать секунд, — сказал Левин.

Он говорил ровно, будто объявлял время обеда. Только пальцы, лежавшие на подлокотниках, были напряжены.

Мара сглотнула. Во рту пересохло, язык словно обложили тонкой пылью. Она заставила себя не смотреть на Землю — её уже не было видно — и проверила застёжку перчатки. Привычное движение оказалось неловким: тело устало от долгого перелёта, а мозг всё ещё ждал земной тяжести, земного шума, земной возможности попросить кого-нибудь поддержать дверь.

Корабль ударился о грунт мягче, чем она ожидала. Сначала качнулся, потом ещё раз, коротко и сердито. Что-то звякнуло в отсеке. Зажглись зелёные индикаторы.

— Посадка подтверждена, — произнёс Сато, бортинженер. Он сверился с показаниями и только тогда позволил се-

бе выдохнуть. — Давление в норме. Внешний контур цел.

Надя, врач экспедиции, засмеялась — громче, чем требовалось.

— Отлично. Я официально заявляю, что предпочитаю планеты, которые не пытаются поймать нас за хвост.

— Запишем в отчёт, — ответил Левин. — После проверки шлюза.

Смех оборвался. Командир уже поднялся и проверял последовательность действий. Надя принялась говорить слишком быстро: перечисляла датчики, запас воды, состояние экипажа. Сато, наоборот, замолчал и аккуратно пересчитывал крепления груза. Каждый справлялся с напряжением по-своему. Мара заметила это и тут же отвела взгляд от остальных, словно на неё саму тоже можно было навести такой же точный прибор.

Она должна была быть полезной. Это слово она повторила про себя ещё на подлёте, когда Левин распределил первые задачи. Полезной, а не безупречной. На Земле она уже пыталась однажды стать безупречной и знала, сколько людей можно придавить этим требованием, прежде чем оно начнёт давить тебя саму.

— Десять минут на первичную оценку, — сказал Левин. — Потом шлюз. Никто не покидает корабль без подтверждения.

Первое открытие внешней камеры заняло почти час. Не потому, что система капризничала, а потому, что каждый

шаг приходилось проверять, а затем повторять вслух. Левин задавал темп. Сато сверял показания. Надя делала записи и между делом напоминала всем пить воду. Мара слушала команды и чувствовала, как с каждой минутой тело становится тяжелее, хотя на Марсе оно должно было весить меньше.

Снаружи ждали скафандры. Когда Мара закрыла шлем, собственное дыхание стало самым громким звуком в мире. Воздух пах фильтром и сухим пластиком. В горле запершило. Она сделала несколько глотков из встроенной трубки, но вода показалась тёплой и почти безвкусной.

— Проверка связи, — сказал Левин.

— Слышу, — ответила Мара.

— Не «слышу». Назовите состояние.

Она посмотрела на шкалу в рукаве.

— Давление стабильно. Дыхание учащённое. Внимание сохранено.

— Теперь честно.

Мара замерла. Левин не повысил голос, но в его словах не осталось места для удобного ответа.

— Немного кружится голова, — сказала она. — И сухо во рту.

— Принято. Если усилится — сообщаете сразу.

Её раздражило, что он заметил. И почти одновременно она поняла: он заметил именно то, что она хотела скрыть.

Когда внешний люк распахнулся, на порог легла красная пыль. Она не взметнулась облаком, как в кино, а осела тон-

ким слоем, неподвижная и терпеливая. За ней начиналась равнина. Небо было бледным, с оттенком выцветшего абрикоса. Горизонт казался ближе, чем должен был, а тени от камней — слишком резкими.

Левин вышел первым. Его ботинок коснулся поверхности, продавил корку и оставил глубокий след.

Мара ступила следом. Скафандр давил на плечи, шлем ограничивал обзор, а рюкзак тянул назад. При каждом шаге тело слегка подпрыгивало, будто пол неожиданно отпускал его на середине движения. Но груз оставался грузом: он инерционно раскачивался, и Мара слишком резко повела плечом, чтобы удержать равновесие.

— Не торопись, — сказал Сато. — Здесь масса никуда не делась.

Она остановилась. Фраза показалась почти смешной, но смех не пришёл. Масса была. Было её тело, усталость, память о доме и голос из диктофона, спрятанного во внутреннем кармане. Марс не отменял ничего из того, что она привезла. Он только менял расстояние между шагами.

До жилого модуля было сорок метров. Мара прошла их медленно, вслушиваясь в скрип суставов скафандра. На шестом шаге зацепила носком край ямы. Сато придержал её за локоть.

— Спасибо.

— Не за что. Первые шаги здесь у всех выглядят так, будто мы заново учимся ходить.

— А если я скажу, что у меня были прекрасные первые шаги?

— Тогда я попрошу показать запись.

У модуля они проверили наружные панели, стыковку и давление. Потом перетащили внутрь контейнеры с инструментами и провели короткую проверку систем. Связь с Землёй запаздывала. Вопрос, заданный в центре управления, возвращался через минуты, уже устаревший или неуместный. Здесь нельзя было немедленно получить голос человека, который видел ситуацию целиком. Каждое решение приходилось принимать тем, кто стоял рядом с проблемой.

После первичного осмотра Мара достала планшет. Следующая задача была её: подключить лабораторный блок к внешнему контуру жилого модуля. Они отрабатывали процедуру на Земле десятки раз, на макете и в герметичном ангаре. Там всё лежало на своих местах, люди были выспавшимися, а воздух не пытался вытянуть из тебя всю влагу.

— Я займусь стыковкой, — сказала она. — Сато, поможешь проверить контур?

Левин посмотрел на неё поверх планшета.

— Только если вы не будете сокращать порядок ради скорости.

— Не буду.

Она ответила слишком быстро. Левин задержал на ней взгляд, но спорить не стал.

Блок установили на опорную площадку и закрепили. На

экране горела схема с несколькими разъёмами: питание, связь, резервная линия. Мара сверила маркировку с карточкой. Потом ещё раз взглянула на схему. Ей казалось, что всё просто: серый разъём — основной, белый — резервный. Она уже видела их на тренировках.

Сато в это время проверял крепления на противоположной стороне. Левин разговаривал с Землёй, где ещё не услышали половину того, что он произносил. Надя внутри модуля пересчитывала расход воды.

Мара торопилась не потому, что куда-то опаздывала. Ей хотелось успеть раньше, чем кто-нибудь успеет усомниться, что она справится.

Она взяла серый штекер и подвела его к гнезду. На последнем сантиметре тот не вошёл. В перчатке движение казалось грубым и медленным. Мара чуть сильнее надавила.

— Стой, — сказал Сато.

Она замерла.

— Что?

— Маркировка на корпусе. Прочитай.

Мара наклонилась. На штекере была узкая жёлтая полоса и буква «Р». Резервная линия. Серый разъём основного питания находился ниже, закрытый транспортной заглушкой.

Она медленно отстранила руку. Ошибка ещё не произошла — защитный замок не позволил бы подключить кабель не той стороной. Но если бы она продолжила, можно было повредить контактный узел или замкнуть цепь при попытке

силой преодолеть блокировку.

Левин обернулся. Он увидел штекер в её руке и маркировку на планшете.

— Мара. Цена ошибки здесь не в том, что придётся переделывать соединение. Один неверный шаг может оставить без питания систему контроля воздуха.

Слова ударили сильнее, чем нужно было. Она почувствовала, как жар поднимается под воротником скафандра.

— Я не подключила его.

— Я знаю. Поэтому сейчас мы остановились.

— Я бы заметила.

— Нет, — сказал Левин. — Ты уже не заметила маркировку.

На секунду в наушниках остался только её собственный вдох. Она захотела ответить, что он сам говорил с центром и тоже пропустил её движение. Захотела напомнить, что отработывала эту задачу лучше всех. Вместо этого сказала:

— Поняла.

Но не поняла. Не сразу. Она знала лишь, что ей стыдно и что она злится на него за точность.

Сато отсоединил кабель и положил его на место. Левин попросил всех вернуться внутрь. Надя встретила их у шлюза с бутылками воды и вопросом, который прозвучал почти сердито:

— Кто-нибудь собирается признаться, что давно не пил?

— Я пила, — сказала Мара.

— Когда?

Она не вспомнила.

Надя посмотрела на показатели в её браслете.

— Вот именно. Сначала вода, потом разговор.

Они сели у складного стола. Снять скафандры полностью не позволяла процедура, но расстегнули верхние слои, ослабили воротники, выпили и несколько минут молчали. Мара чувствовала пульс в висках. Она убеждала себя, что злость помогает собраться, но за злостью проступало другое: страх оказаться бесполезной в месте, где бесполезность могла стоить дорого.

Левин положил на стол планшет.

— Проведём разбор. Не поиск виноватого. По правилу: факт, риск, следующий шаг.

Он произнёс это спокойно, без назидания.

— Факт, — сказала Мара после паузы. — Я взяла резервный кабель и подвела его к разъёму питания, не сверив маркировку перед последним движением.

— Риск? — спросил Сато.

— Повреждение контакта при попытке подключить. Потеря времени. В худшем случае нарушение питания в контуре лаборатории или смежных систем.

— Следующий шаг? — спросил Левин.

Мара посмотрела на планшет. Ей хотелось сказать: внимательнее. Это было бы слишком легко и ничего бы не изменило.

— До подключения кабеля я называю вслух его назначение, сверяю маркировку с карточкой и жду подтверждения второго человека. Если что-то не совпадает, не продолжаю, даже если уверена, что знаю схему.

— Хорошо, — сказал Сато.

Надя постучала пальцем по столу.

— Добавим паузы. Мы все устаём, а уставший мозг любит выдавать знакомое за проверенное. Каждые двадцать минут работы — пять минут отдыха, вода и короткая оценка состояния.

Левин кивнул.

— И отдельное правило: сомнение произносится до действия. Не после. Любое «кажется», «не уверен» или «подождите» останавливает операцию. Никто не доказывает компетентность ценой молчания.

Мара услышала в последней фразе не только правило. Но Левин не смотрел на неё, когда произносил её, и от этого она поверила ему больше.

Они вернулись к лабораторному блоку после паузы. На этот раз Мара назвала каждую линию, Сато сверил обозначения, Левин подтвердил последовательность. Перед основным подключением они снова остановились на две минуты. Не потому, что кто-то растерялся, а потому, что так договорились. Проверили замки, индикаторы, показания на экране. Кабель встал на место без усилия. Система приняла соединение. Загорелся зелёный знак готовности.

Никакого торжественного сигнала не прозвучало. Только короткий щелчок реле и спокойное подтверждение Сато.

Мара ощутила облегчение, но не победу. Важнее было то, что она не стала прятать паузу за уверенным видом. На Земле ей казалось, что просьба проверить означает слабость. Здесь, под чужим небом, она впервые заметила, насколько много сил уходит на поддержание этого впечатления.

К концу смены они проверили герметичность, разложили инструменты по местам и записали все отклонения. Новых происшествий не было. Усталость осталась, но перестала быть невидимой. Левин теперь чаще спрашивал не «готовы?», а «что вы замечаете?». Сато отвечал коротко и точно. Надя шутила уже медленнее, зато не забывала раздавать воду. Мара поймала себя на том, что не пытается заполнить каждую паузу доказательством собственной полезности.

За ужином они ели разогретую пищу из пакетов. У еды был вкус соли, металла и чего-то знакомого, что никто не смог назвать. На экране отображалось время на Земле, но оно ничего не значило для их тел. Первые марсианские сутки только начинались, а ощущение, будто прошла целая неделя, уже поселилось в плечах.

Перед отдыхом Левин собрал команду на короткий общий разбор. Они снова прошли три пункта: факт — риск — следующий шаг. Не только для ошибки с кабелем. Фактом стало, что все четверо пили меньше воды, чем требовалось. Риск — головная боль, снижение внимания, неверные

решения. Следующий шаг — бутылка должна быть в поле зрения, а каждый перерыв начинаться с проверки расхода. Фактом стало и то, что задержка связи заставляла ждать ответа с Земли, хотя часть решений нужно принимать на месте. Риск — потеря времени и попытка действовать наугад. Следующий шаг — для каждой задачи заранее определить, что экипаж может решить сам, а что требует консультации.

Никто не оправдывался. Никто не пересказывал, кто именно первым забыл о воде или кто слишком долго ждал ответа. Обсуждали действия, а не ценность людей. Мара записала эту разницу в память так же отчётливо, как раньше записывала чужие голоса.

В личном отсеке она открыла диктофон, но не нажала воспроизведение. Голос остался с ней и без этого. Она записала в дневник несколько строк: «Сегодня я поторопилась, чтобы не показаться лишней. Остановиться попросил другой человек. В следующий раз я должна успеть попросить сама».

Она добавила к записи условие: «Если сомневаюсь — говорю до того, как тянусь к инструменту».

Потом проверила журнал состояния лабораторного блока. Один из датчиков наружной опоры отметил слабое колебание грунта: три коротких импульса, ниже порога, который требовал бы тревоги. Возможно, вибрация от посадки. Возможно, погрешность. Сато оставил пометку: перепроверить утром. Никаких новых происшествий за первый вечер не было.

Мара выключила планшет и подошла к иллюминатору.

За стеклом лежала красная равнина. В темноте она казалась не пустой, а затаившейся. Каменные гряды были похожи на спины огромных животных, остановившихся у горизонта. Между ними проступала тень, которой днём она не заметила.

Усталость могла обманывать. После перелёта память легко приклеивала знакомые ощущения к незнакомым местам. И всё же Мара не могла отделаться от странного чувства: она уже видела этот пейзаж. Не на снимке, не в тренировочном зале, не во время долгих часов подготовки.

Во сне.

Она открыла дневник и написала: «Красная равнина кажется знакомой. Не знаю почему».

Потом задержала ручку над экраном, прислушиваясь к тихому гулу жилого модуля. Где-то под ними датчик снова отметил слабое движение. На этот раз Мара решила не называть его шумом, пока они не проверят.

Сигнал под красной равниной

В 06:12 жилой модуль сменил ночное освещение на тусклый рассветный режим. Свет стал чуть теплее, но за иллюминатором равнина осталась прежней: ржаво-красной, неподвижной, будто Марс всю ночь не спал, а прислушивался.

Мара уже сидела у рабочего стола. На экране тянулась запись сейсмодатчика, и в ней почти ничего не было. Тонкая линия, несколько шероховатостей, короткая неровность ближе к середине. На Земле такой след потерялся бы среди вибраций большого города. Здесь он выглядел так, словно кто-то провёл ногтем по тишине.

Мара увеличила участок. Неровность распалась на мелкие зубцы. Она переключила масштаб времени, потом снова вернулась к исходной записи. Если долго смотреть на случайный рисунок, мозг сам начинает достраивать в нём порядок. Она знала это не только из учебников.

— Ты решила встретить утро с графиком? — спросил Томас, появившись у входа.

Он говорил негромко. Остальные спали, а жилой модуль сохранял ночную тишину: шипение вентиляции, редкое потрескивание обшивки, слабая дрожь пола под работающими системами.

— Он встретил меня раньше, — ответила Мара. — Вот ночной импульс.

Томас поставил рядом кружку с кофе и наклонился к экрану. На его виске отпечаталась складка от спального шлема.

— Насколько слабый?

— Пока слабее порога, который мы заранее выбрали для тревоги. Но форма странная.

— Странная — это уже интерпретация.

Мара посмотрела на него и кивнула.

— Верно. Неровная. Это наблюдение.

Она открыла журнал. Вместо одной строки, как обычно, создала три раздела: «Приборы», «Состояние», «Гипотезы». В первом записала время и номер датчика. Во втором — что проснулась до сигнала и чувствует себя уставшей. В третьем оставила пустое поле.

— Пусто? — спросил Томас.

— Пока у нас есть только след на графике.

Она сохранила исходный файл в архив экипажа, затем создала вторую копию с контрольной суммой. Не сглаживала линию, не усиливала тихие частоты, не убирала помехи. Любая обработка могла пригодиться позже, но сначала требовалось сохранить то, что действительно зарегистрировал прибор.

В 06:40 к ним присоединились командир Сафия и инженер Чэнь. Сафия принесла планшет с планом работ на день. Чэнь — набор диагностических проверок, уже открытый на экране.

— Покажи, — сказала Сафия.

Мара вывела график на общий дисплей. Импульс выглядел почти случайным: один короткий толчок, затем более слабая дрожь, ещё одна. Чэнь нахмурился.

— Может быть, нагревательный контур. Или насос, который включился в цикле.

— Насос записан отдельно, — ответила Мара. — Его вибрация не совпадает с этой формой.

— Не совпадает по времени или по спектру?

— Проверила только время.

Чэнь протянул руку к пульту.

— Тогда пока у нас не один ответ, а один незаконченный тест.

Он вывел журнал трёх внешних сейсмодатчиков. Их установили вокруг посадочного модуля на расстоянии от сорока до ста семидесяти метров. На двух приборах виднелась такая же неровность. На третьем она была слабее, но присутствовала.

Разговор оборвался.

Чэнь увеличил временной участок. Показал начало импульсов на каждом канале. На ближайшем датчике он возник раньше, на дальнем — позже. Разница составляла доли секунды.

— Значит, источник не здесь, — сказал Томас. — По крайней мере, не в насосе.

— Или не только в насосе, — возразил Чэнь. — Кабельная

наводка тоже может идти по системе.

Сафия посмотрела на план внешних узлов.

— Датчики подключены к разным линиям?

— Да, — ответил Чэнь. — И у каждого собственный накопитель. Но прежде чем делать вывод, я проверю синхронизацию часов и состояние кабелей.

— А я проверю, не перезаписала ли программа что-то при сборе данных, — сказала Мара.

Сафия отложила планшет с расписанием.

— Никто не выходит наружу до проверки. Если источник ближе, чем кажется, мы не должны подставлять людей ради красивого графика.

— Согласен, — ответил Томас. — Но если это естественный сейсмический процесс, чем раньше мы его локализуем, тем лучше поймём, как устроена равнина.

— Научная ценность не уменьшится, если мы потратим час на проверку оборудования, — сказала Сафия.

— Я не предлагаю идти вслепую.

— Хорошо. Тогда мы все согласны с планом.

Мара заметила, что никто не сказал «это точно помеха» и никто не сказал «это точно сигнал». В обычной жизни ей хотелось бы поскорее выбрать одну из этих фраз. На Марсе такая поспешность могла превратиться в ошибку, а затем — в чужую проблему.

Чэнь начал по очереди отключать внутренние контуры. Сначала остановил насосы, затем на несколько минут пере-

вёл систему отопления на резервный режим. В модуле стало холоднее. На экране возникли короткие отметки от переключений, и Чэнь пометил их другим цветом.

Странная неровность не исчезла.

— Можно попробовать калибровочный импульс, — предложил он. — Проверим, как датчики реагируют на известное воздействие.

Сафия разрешила тест только на ближнем узле. Чэнь активировал небольшой механический ударник, закреплённый рядом с одним из сейсмоприёмников. График ответил чётким толчком. Он был похож на ночной только издали. Если увеличить масштаб, различие становилось очевидным: калибровочный импульс быстро затухал и приходил одновременно с включением механизма. Ночной след был сложнее и смещался от датчика к датчику.

Мара внесла результат в журнал.

«Приборы: три внешних узла зарегистрировали событие. Время начала согласуется с распространением волны от источника за пределами ближнего узла. Внутренние насосы и нагревательные контуры не объясняют запись. Калибровочный импульс имеет другую форму».

Она ненадолго задержала пальцы над следующим разделом.

«Состояние: беспокойство усилилось после подтверждения на трёх узлах».

Только после этого открыла гипотезы.

«Возможны природный источник, неучтённое оборудование или неисправность нескольких систем одновременно. Искусственное происхождение не подтверждено».

Сафия прочитала последние строки.

— Хорошая формулировка.

— Не очень утешительная, — сказал Томас.

— Точность редко обязана утешать, — ответила Мара.

Они выгрузили записи за всю ночь. Первый слабый след обнаружился в 01:52 по местному времени. Следующий — через семнадцать минут и сорок секунд. Потом ещё один, через такой же интервал. Каждый импульс длился меньше двух секунд. Каждый был слабым, но повторяющимся.

После четвёртого события график становился пустым.

— Периодичность, — сказал Томас. — Это похоже на источник, который работает циклично.

— Или на механизм, который мы ещё не нашли, — заметил Чэнь.

— Или на природный процесс с повторяющимся ритмом, — сказала Мара. — Пока неизвестно, насколько точно он повторяется. У нас всего четыре случая.

— И все они зарегистрированы одним и тем же типом датчиков, — добавил Чэнь. — Нужна независимая проверка.

— Магнитометр? — спросила Сафия.

— Он смотрит на другое, но я проверю совпадения. Ещё сверю данные локальных накопителей с центральным архивом. Если это ошибка передачи, записи будут различаться.

Пока Чэнь работал, Томас выводил направление волны на карту. Модель давала широкий сектор к юго-востоку от базы, возле длинной каменной гряды, которую экипаж видел в темноте.

— Ошибка может быть до тридцати метров, — предупредил он. — Но источник, вероятно, под равниной, а не у самого модуля.

— «Вероятно» оставляем, — сказала Мара.

— Оставляем.

— Если источник под поверхностью, — продолжил Томас, — он может быть интересен. Трещина, движение пород, пустота. Что угодно из этого меняет наши модели района.

Сафия провела пальцем по карте, отмеряя расстояние.

— И любое из этого может означать, что грунт нестабилен. Сначала дистанционные наблюдения. Выход — только когда будет понятна зона риска.

— Я не спорю с безопасностью, — сказал Томас. — Я спорю с тем, что неизвестность сама по себе должна останавливать исследование.

— Нет, — ответила Сафия. — Она должна менять порядок действий.

Мара слушала их и смотрела на узкий повторяющийся участок записи. Чем дольше она смотрела, тем яснее становился ритм, но не потому, что график менялся. Менялось её внимание. Она попросила Чэня преобразовать вибрацию в звук, не усиливая отдельные частоты, а просто перенеся их

в слышимый диапазон.

Из динамика донёлся низкий сухой треск. Несколько быстрых ударов. Пауза. Один более протяжённый. Затем два коротких.

Томас поморщился.

— Звучит как камешки, катящиеся по трубе.

— Или как механическое реле, — сказал Чэнь. — Хотя реле такого рисунка мы не нашли.

Мара не ответила. Сигнал повторили. Потом ещё раз.

В тот момент, когда между ударами возникла короткая пауза, она узнала этот рисунок.

Не сам звук. Ритм.

В детстве они с Ильёй жили в квартире с отопительной трубой, проходившей через стену между их комнатами. Когда родители уже ложились, брат иногда стучал по трубе: два быстрых удара, пауза, один длинный, потом два быстрых. Это означало: «Иди сюда». Мара никогда не помнила, кто придумал этот способ. Возможно, Илья. Возможно, она сама. Но она помнила, как отвечала ему, постукивая костяшками по стене.

Воспоминание пришло вместе с запахом старого линолеума и тёплой пыли у батареи. На долю секунды ей показалось, что она снова стоит в коридоре босиком и прислушивается к темноте за дверью.

— Мара? — спросила Сафия.

Она выключила звук.

— У меня есть личная ассоциация. Ритм напоминает сигнал, которым брат звал меня в детстве.

Чэнь не отвёл глаз от экрана.

— Это может быть важно для твоего восприятия. Но не для классификации сигнала.

— Пока — именно так, — сказала Мара. — Я не утверждаю, что ритм совпадает намеренно. Я утверждаю, что услышала сходство.

Сафия посмотрела на неё внимательно, без насмешки и без попытки успокоить.

— Запиши отдельно. Чтобы не потерять наблюдение и не превратить его в доказательство.

Мара открыла журнал.

«Приборы: при прослушивании преобразованной записи распознаётся последовательность из трёх групп ударов».

Она остановилась, вернулась к графику и пересчитала пики.

«Уточнение: две короткие фазы, одна протяжённая, две короткие. Субъективная оценка ритма».

В разделе состояния написала: «Возникло детское воспоминание. Узнавание сопровождалось тревогой и ощущением близости».

Потом добавила в гипотезы: «Личная ассоциация не является подтверждением источника. Сохранить для сравнения».

— Ты действительно услышала это раньше, чем рассказа-

ла? — спросил Томас.

— Да.

— Возможно, поэтому и выделила ритм.

— Возможно. Поэтому я и записала, что это субъективная оценка.

Сказав это, Мара почувствовала, как внутри немного ослабла тугая пружина. Она не обязана была выбирать между «мне показалось» и «это правда». Можно было признать, что чувство возникло, и одновременно оставить факты на проверку.

Чэнь сообщил, что локальные записи совпадают с центральными. Расхождение часов не превышало допустимого. Магнитометр не показал связанного с импульсами изменения, зато один из резервных температурных датчиков отметил короткое колебание, слишком слабое для уверенного вывода. Инженер проверил его отдельно и обнаружил, что такой же эффект появлялся при смене режима в распределительном блоке.

— Значит, температурную отметку убираем из аргументов, — сказал он. — Она объясняется нашей системой.

— Не убираем, — поправила Мара. — Помечаем причину и оставляем в архиве. Если когда-нибудь понадобится, исходные данные будут доступны.

Чэнь улыбнулся.

— Справедливо.

К 09:00 экипаж имел четыре зарегистрированных импуль-

са, повторявшихся с одинаковым интервалом, три независимые записи внешних датчиков и несколько исключённых технических причин. Это было больше, чем утром, но не настолько много, чтобы дать объяснение.

Они назначили ещё один сеанс наблюдения. До следующего расчётного события оставалось несколько минут. Чэнь сверил часы. Томас увеличил участок карты. Сафия попросила никого не работать с фильтрами до завершения контрольной записи.

— Мы можем считать, что источник повторяется, — сказала она. — Но пока не знаем, насколько долго. Проверяем и фиксируем.

Мара снова открыла журнал. Она хотела уточнить запись о брате. Слова «сигнал, которым брат звал меня» показались слишком гладкими, будто память уже успела стереть всё, что в ней было неудобного.

— Илья придумал этот ритм, — сказала она. — Или я. Мы часто спорили, кто первым начал. Я помню его стук лучше, чем его объяснения.

Слова прозвучали негромко. Она произнесла имя не для того, чтобы испытать датчики, и не потому, что ожидала ответа. Просто хотела закончить фразу.

На экране одновременно дрогнула линия.

Мара замолчала.

Первым сработал внешний узел S-3. Через долю секунды отметку показал S-2, затем самый дальний датчик. Чэнь рез-

ко поднялся и проверил время.

— Сейчас? — спросила Сафия.

— 09:17:32,611 по главному времени.

Чэнь открыл запись микрофона в командном модуле. Голос Мары пришёлся на отметку 09:17:32,428. Между началом имени и первой волной прошло меньше двух десятых секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.